

ТОКТОГУЛ

ТОКТОГУЛ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПЕРЕВОД С КИРГИЗСКОГО

Фрунзе

КИРГИЗГОСИЗДАТ

1950

БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА

Во второй половине XIX века киргизский народ подвергался самому жестокому, самому безжалостному угнетению и эксплуатации со стороны царского самодержавия и местных баев и манапов. Голодное и нищее население было обречено на вымирание. Народ не мог оставаться безучастным к своей судьбе. В его среде зрела мысль о сопротивлении гнёту, о справедливой власти, способной изменить жизнь трудового человека.

Эти мысли и чаяния угнетённых людей звучали в песнях народных певцов и комузистов. Самым крупным среди певцов того времени был Токтогул Сатылганов. Он открыто говорил о народном горе, смело выступал против угнетателей, песни его были полны гнева.

* * *

Токтогул родился в 1864 году в кыштаке Сасык-Джиде, на берегу реки Узун-Акмат, в районе Кетмень-Тюбе.

Отец Токтогула Сатылган жил своим трудом, был смел, не склонял головы перед богачами, прямо высказывал всё, что думал. Мать акына Бурма была весёлой, остроумной женщиной.

Одарённость Токтогула выявилась очень рано. Мальчик любил песни и сказки, легко запоминал всё, что рассказывала ему мать. Бурма купила сыну комуз и посылала мальчика для выучки к комузистам и певцам. Но скоро пришлось отказаться от этого: не уродилась

кукуруза, голод настойчиво стучался в кибитку бедняка. Сатылганову пришлось продать последнего вола для уплаты налога, переехать в ущелье Токтобек, где зимовали отары богачей, и наняться в батраки к баю Казанбеку.

Бурма таскала воду, мыла посуду, разводила огонь. Сатылган возил дрова, ездил на мельницу, ухаживал за рабочим скотом. День и ночь работали они, но ничего не получали и даже оставались должниками бая.

Однажды бай сказал Сатылгану: „Брось баловать сынка, пусть работает“. И двенадцатилетний Токтогул стал пастухом.

Тягостная судьба батрака-чабана, длинные зимние ночи на Токтобеке и жаркие летние дни на Арыме, чувство одиночества и тяжёлая жизнь товарищей пробудили сознание молодого акына. Играя на комузе, он развлекал себя и пастухов. Длинные, печальные ночи чабаны проводили у костра, рассказывая сказки и были, напевая грустные песни о бесправии, о голоде и холоде, о жестокости баев и их жён.

Если за юртою лягу я, топчут козы меня,
В юрту зайду, бранит меня злая байбиче.
Палка не расстается с бедной моей головой,
Грудь моя всегда мокрая от слёз моих ¹.

Токтогул с детства хорошо знал жизнь своего народа. Он видел баев, которые лежали на мягких подушках и ели мясо, бранили и били чабанов и табунщиков. Он видел бедняков, которые никогда не ели досыта и были раздеты. Он видел батраков, глаза которых не высыхали от слёз, а головы были в крови от ударов свистящей плётки. Он сам пас байских овец, оборванный, голодный, замерзая зимой от холода, летом изнывая от жары.

Токтогул пел о труде, о жизни простых людей, о справедливости и мужестве, вырастая в гневного, смелого певца. Молодой акын ненавидел певцов, которые восхваляли баев, манапов и уездных управите-

¹ Все стихи даются в подстрочном переводе.

лей. Он клеймил певцов, зарабатывающих себе на жизнь лестью и угодничеством, называл их „совести не имеющими“.

— Долг певца, — говорил Токтогул, — не в том, чтобы зарабатывать себе на жизнь, восхваляя угнетателей. Песня должна служить народу, его оружием в борьбе за лучшую жизнь на земле.

В родной аил от бая Токтогул вернулся восемнадцатилетним юношей, будучи уже известным акыном. В Сасык-Джиде он пел и играл на свадьбах и сборищах молодёжи, на поминках.

Однажды, когда на поминках у манапа местные певцы всячески восхваляли и возвеличивали хозяина, Токтогул взял комуз и запел свои афористичные назидательные песни:

Красота соболя в его спине,
Красота клинка — в стали,
Когда на землю нападает враг,
Красота храбреца — в отваге!

— Не болтай бессмысленную чепуху, воспевай хана Дыканбая и присутствующих здесь вельмож, — крикнул ему Сопу-бий.

— Я этого не умею делать, бий! — ответил Токтогул и отложил комуз.

Опять запел льстивый Арзымат, опять восхвалял он своего манапа и хвастался своими достоинствами, а Токтогула унижал. Тогда молодой акын снова взялся за комуз и достойно ответил Арзымату:

О том, что живёшь в юрте Дыканбая, ты пел.
За лесть тебя кормят бараньей,
Об этом хвастливо ты пел!
О том, что наелся бараньего жира
И лошадиной толстой кишки, ты пел.
О том, что ты хана Дыканбая певец, пел!
Каркаешь, словно ворона жалкая,
Совести не имеющий ты!
Ползая перед манапом,
Жрешь мясо, обжора ты!
Ты надо мною смеешься, что я бедняк.
Хоть и вправду бедняк,
Но мчащийся под ливнями — иноходец я!

Люди, окружавшие юрту, хохотали. Задетый за живое, оскорбленный Арзымат не смог продолжать состязания.

Молодой певец понимал значение своего искусства и горько сожалел, что не имел возможности учиться. Это позволило бы ему создавать песни и мелодии ещё более высокого звучания, они еще полнее отвечали бы требованиям народа, ещё лучше служили бы ему.

* * *

Акын исполнял свои назидательные песни среди бедных скотоводов, хлебопашцев и батраков, призывая их к высокой человечности, честности, труду. Постепенно он понял, почему народ бедствовал, терпел нищету, рабство. Великий акын увидел, что во всех несчастьях народа был виноват существовавший тогда общественный строй, виноваты бай и манапы, что сосали кровь из людей, не давали им трудиться на себя.

Поняв истинную причину зла и несчастья, Токтогул создаёт новые смелые песни против угнетателей, против манапов, баев, ростовщиков, болушев и биев, мулл и других духовных лиц.

Токтогул носил в своем сердце великую любовь к бедному люду, делил с ним все невзгоды и горе. Его проклятия мучителям народа звучали всё сильнее, всё беспощаднее и все глубже проникали в сердце трудящихся. Он будил сознание бедняков, помогал им понять свое положение, призывал к борьбе за лучшую жизнь:

Да будет проклят бай,
Батраку за труд не платит он.
У манапов волчьи глотки,
Людей едят они вместо скота.

Великий акын создавал потрясающие песни, проклиная тех, кто сделал несчастным трудолюбивый, талантливый народ:

Если ты должен ростовщику,
Судом отнимут твоё всё добро,
Через год за барана возьмёт он двух,
За рубль свой два возьмёт.

Если во-время долг не вернёшь,
К бию пойдёт он.
А бий и болуши в беду
Ввергнут тебя навсегда!

Своими песнями Токтогул звал народ бороться за счастливое будущее; он был идеологом движения за свободу в Средней Азии в конце XIX века.

В Кетмень-Тюбе властвовали сыновья манапа Рыскулбека. Если умирал один из сыновей, должность болуша переходила к другому. Вот умирает старший сын Рыскулбека Дыканбай, и его место готовится занять младший брат Керимбай. Он посылает любимому народом, знаменитому певцу Токтогулу приглашение: „Будем среди народа всегда вместе, приезжай!“

Керимбай рассчитывал сделать народного акына своим придворным певцом, но Токтогул отказался от такой „чести“. Он ходил по аилам, пел о жестокости сыновей Рыскулбека, о том, как они терзали народ. Токтогул агитировал против выборов Керимбая болушем, говорил, что он ещё более жесток, чем был старший брат. Когда Керимбай собрал старейшин всех родов и угощал их, Токтогул приехал и у входа в юрту стал петь, не слезая с коня, называя манапа палачом народа.

Манап приказал арестовать акына, но ему удалось ускакать и спастись.

Во время выборов Керимбая население разделилось на две группы. Некоторые роды были против него, но с помощью подкупов Керимбай стал болушем и начал мстить тем, кто был в оппозиции. Он находит среди них „воров“, не платящих налоги и выступающих против царя.

Считая Токтогула вдохновителем и главарём оппозиционных групп, Керимбай придумывает для него всяческие меры наказания, хочет замучить его штрафами, арестовать, убить, убрать любыми путями и средствами. Но если бы болуш что-нибудь сделал Токтогулу, почти всё население оказалось бы в оппозиции. Это было невыгодно и потому Керимбай медлил, ждал подходящего момента.

Нужда и голод заставили Токтогула переехать в другой аил и поселиться рядом с Моке Бошкемпировым, который помог ему материально.

В 1898 году произошло Андижанское восстание против царской власти, баев и манапов, но оно было подавлено. В Наукатской, Кокартской и Сусамырской (Кетмень-Тюбе) волостях народ тоже волновался, но не смог подняться. В Сусамырской волости восстание готовили калпа (духовное лицо) Шадыбек, имевший связь с андижанским ишаном, Моке Бешкемпиров и Уметалы. Они собирали винтовки, кузнец Сары делал клинки и пики. Узнав об этом, Керимбай сообщил царским властям. Ночью внезапно приехал карательный отряд, который арестовал 64 человек, в том числе Шадыбека, Бешкемпирова, его нового соседа Токтогула и кузнеца Сары.

Токтогул не был связан с андижанским ишаном, как Шадыбек, не ковал клинки и пики, как кузнец Сары. Но его песни, его смелость сделали его идейным вдохновителем восстания. Керимбай выдал его, как участника восстания, и заставил арестовать.

Токтогул был приговорен к смерти, потом этот приговор был заменён семью годами каторги. Но акын пробыл в Сибири не семь, а двенадцать лет. Дважды он пытался бежать, оба раза был пойман и присуждён к 25 годам каторги. Третья попытка к бегству удалась.

Осенью 1910 года Токтогул вернулся домой. Три года скрывался он в Таласе, Аксы и родном Кетмень-Тюбе. В 1913 году манапы снова организовали арест Токтогула и бросили его в Наманганскую тюрьму. Весь народ, населяющий земли от Аксы до Таласа, от Базар-Кургана до Конгур-Огуз, стремился помочь акыну освободиться. Посылались заявления губернатору, ученики Токтогула акыны Ишмамбет и Калык ходили из аила в аил, призывая помочь ему. В фонд помощи великому акыну было собрано 20 тысяч рублей и много скота.

Возмущение народа было так сильно, что даже сын манапа Осмонбека, знающий русский язык, вместе с представителями народа вынужден был ехать в Фер-

гану, а затем в Ташкент говорить с царскими чиновниками, давать взятки. После шестимесячного тюремного заключения Токтогул выходит на свободу.

После этого манапы распространяют слух, что акын освобожден по их настоянию. Мол, они поручились, что Токтогул больше не будет участвовать ни в каких заговорах, не будет создавать песен против царя и его представителей. Но великий поэт не пошёл на поводу у богачей, он стал ещё смелее. Если раньше он был певцом только киргизской бедноты, то после ссылки стал певцом всех неимущих, независимо от национальной принадлежности.

За годы ссылки Токтогул духовно вырос, его мировоззрение расширилось. Раньше, выступая против манапов, он не знал, что есть путь к освобождению, не знал о революционных силах. В Сибири он это узнал. В ссылке он услышал, что победа революции в России принесёт освобождение всем трудящимся. Такие вести и убеждения принёс Токтогул своему народу. Он вернулся на родину певцом революции, он пел теперь:

Когда будут уничтожены грабители,
Что заковали ноги мои,
Когда придёт время
С ясным солнцем, без туч,
Когда бедняки и батраки
Увидят своё счастье,
Я в этот день
Умру без сожалений!

Великую Октябрьскую революцию Токтогул встретил с ликующей радостью. Он создал целый ряд песен о революции и её великих вождях Ленине и Сталине.

Токтогул глубоко верил в то, что жизнь в стране Советов будет с каждым днём лучше и краше. Великий акын первый на киргизском языке воспел советскую власть, великого Ленина и стал основоположником киргизской советской литературы.

Темиркул Уметалиев.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Киргизов беда и нужда
Терзала в былые года.
Но выпала доля царю—
Покинуть престол навсегда.
И создана Лениным власть—
Опора и меч бедняков.
Слова, если я говорю,
Как звёзды среди облаков.

Всех баев из нашей страны
Изгнала советская власть.
Теперь вам, Кедея сыны,
Под царскою плетью не пасть!
Не надо теперь беднякам
Петли на себя налагать.
Свобода, пришедшая к нам,
Свой пламенник будет держать,
Какая счастливица ты,
Родившая Ленина мать!

Нет в мире светлее людей,
Чем партия большевиков,
И зорь не видали светлей,
Чем зори отчизны моей.
А горе отчизны моей
Не тронет во веки веков.
Да высохнет озеро слёз
Вдовиц и седых матерей!
И Ленин, и мудрая власть
Спасли тебя, наша страна!

Драконова чёрная пасть
Народу теперь не страшна:
Венчает киргизский хребет
Широкое знамя побед.

Вчера ещё—данник и раб,
Бездомный, нищий киргиз,
Дрожавший при слове „манап“,
Ты камни от голода грыз.
В те дни ты видал ли во сне,
Что время такое придёт?
На статном, крылатом коне,
Как ветер, лети же вперёд!

Я тоже в те годы страдал,
Великие муки терпел,
Беспомощным узником был,
Тоскуя по родине, пел.
Лежал я в темнице без сил,
Меня часовой сторожил.
Но Ленин, как солнце, взошёл,
И слёзы мои осушил.
Трудиться для нищих племён
Он клятву надёжную дал
И для человечества он
Навеки защитником стал.
Спеши до кончины своей
О нем рассказать, соловей,
Народу горы Ала-Тоо
И вольных киргизских полей.
Так стань, мой правдивый язык,
Всесильным хотя бы на миг!

Ты выслушай песню мою,
Довольный, могучий народ,
Как сокол бесстрашный в бою
Презренного коршуна бьёт,
Так Ленин с размаха бросал
Врага в непроглядную тьму,
На чёрные выступы скал,
Спасибо за это ему.

Ты помнишь, акын Токтогул,
Как много ты горя хлебнул,
Как счастья неблизкого ждал?
И Ленин отцом и вождём
Народа киргизского стал.
Впервые из радостных дней
Я в собственной коже моей
От счастья вместиться не мог.
Воспрял мой народ, как батыр,
А цепи лежали у ног.

Осыпало счастьем людей,
Не может молчать Токтогул,
О воле торжественных дней,
О доле счастливой своей,
О равенстве добрых друзей
Не хочется песни кончать.
Какая счастливица ты,
Родившая Ленина мать!

ВСЕГДА С НАРОДОМ

АҚЫНОМ СТАЛ Я

В юности акыном став,
С песней сел я на коня.
Пулей, посланною в цель,
Было слово у меня.
Будто пулю в ствол ружья,
Слал я в песню слов заряд.
Отстоявшийся кумыс—
Чистых песен моих клад.
И к народу путь нашло
Моё слово—правды брат.

ИШАН-КАЛПА

Незадолго перед ссылкой Токтогула к одному манану приехали несколько ишанов и калпа. Манан предложил Токтогулу спеть в их честь песню. Тогда Токтогул спел следующую песню:

Чуть коснусь я струны своей
И язык мой заговорит.
Колокольцем комуз звенит,
Иноходца бежит резвей.
Петь просили вы,—я спою,
Так внемлите ж моим словам!
Только правды не утаю:
Не польстит моя песня вам.
Понаведались гости вновь
Жадной сворой издалека,
Вновь сосать народную кровь,
Обирать опять бедняка.

Есть ишаны у нас, говорят...
Из аила в аил бредут;
Если шкуры с нас не сдерут,
Плохо спится им, говорят...
Для ишана-калпа иной
Дорогой дружок, говорят...
Пребольшой мешок, говорят,
У калпы висит за спиной!
Обдирают народ они,
Только баев чтут род они,
И от злой толпы, говорят,

Под полой калпы, говорят,
Отсиделся бай не один.
И не стоящие хвалы
Есть у нас, говорят, муллы.

Стыд забыв, говорят, и срам,
Деньги тащат со всех имам.
Не бедна ишана мощна,
И богат зекета улов:
Из десятка бараньих голов
В дар ишану идёт одна.
На земле поживившись всласть,
Не страшась, ишан, помирай!
Говорят, ишану попасть
Суждено и в небесный рай...
Про ишанов мирской разгул,
Про блаженство его в раю
Вам правдивую песню свою
Здесь поёт акын Токтогул.

Вы, собирающие зекет,
Даровой скопившие скот,
Что кричите вы: „Белакет!“
Что стращаете вы народ
Побасенками про тот свет?
Пред пророком и головы
Не дерзающие поднять,
Что о рае трещите вы,
Точно этот рай увидеть
Удалось воочию вам?
Эй, наперсник бога, имам!
Вы, калпы, и муллы, и бакши!
О спасенье ль нашей души
Вы заботитесь, господа?
Не народная ль вы беда?!

Богачу рассыпая лесть,
Вы глумитесь над беднотой...
Значит, праведник и святой
Тоже любят вкусно поесть?!
Что попрятали лбы в чалмы?

Люди высшего чина вы?
Разобраться не в силах мы,
То ль бабьё, то ль мужчины вы?
Кто в тюрбан такой наряжён,
Чем, скажите, отличен он
От покрытых шалями жён?
Чтоб в умах рассеялась тьма,
Сам народу, ишан, скажи,
Не является ли чалма
Только вывескою ханжи,
Только признаком вечной лжи
Богочтимых духовных лиц
И оравы разбойной всей
Вымогателей и вралей,
Сочинителей небылиц?!

Когда ишаны и калпы услышали эту песню Токтогула, они начали шептаться меж собой. Волостной управитель закричал на Токтогула:

— Зачем ты оскорбляешь моих гостей? Если хочешь петь, то пой хвалебную песню.

Токтогул ответил:

— Каждый человек—хозяин своему слову. Я преступления не совершил, а пел только об их профессии. Если акын поет неправду, то это не акын.

Затем Токтогул пропел следующую песню:

Волостной, что яришься ты?
Над народом глумишься ты,
Угнетён тобой человек!
Ты пойми, плохой человек,
Что акына честный язык,
Правду горькую возлюбя,
Гнусью лжи ползучей себя
Ни пред кем сквернить не привык!
Песню петь меня сам взмая,
Видно, ждал от меня вранья,
Видно, ждал ты сплошной хвалы,
А дождавшись одной хулы,
Ты расхрюкался, как свинья!..
Много песен, знай, волостной,

По аилам земли родной
С юных лет было пето мной...
Льстивой нет среди них ни одной;
Разомкну ль уста, запою ль,
Меткость слов моих—меткость пуль!

Сам я песен бьющих родник,
Песня крепче струй кумыса,
Песне струн верны голоса,
Плачут юноша и старик,
Внемля вольной песне моей,
И хранит народа молва
По аилам гор и степей
Золотые мои слова!

Волостной, иль не знаешь ты
Токтогуловой прямоты?
Как здесь правишь порядок ты,
Коль бесчестен и гадок ты,
До наживы лишь падок ты!
Ведь бессовестней вора ты,
Если в самый бесхлебный год
Беспощадно у бедноты
Ты последний уводишь скот!
А за шумный оводов рой,
Налетающий к нам порой,
Что о боге хлопочет тут,
Что о рае лопочет тут,
Ты стоял и стоишь горой,
Ты юлой юлишь перед ним
А за что тобой так ценим
Навестивший тебя ишан,
Тут догадка моя верна:
Бел, как снег, ишана тюрбан,
А душа, как твоя, черна.
Ты сообщник его прямой,
Потому за него и радел,
Что прикрыта белой чалмой
Чернота ваших гнусных дел!

ПЯТЬ КАБАНОВ¹

Воры Акмат и Дикан,
Лжецы Минбай, Атакан,
Грабитель Эгенберди!
У вас что ни шаг—обман.

Отряд из пяти кабанов,
Грабите вы бедняков!
Не даст вам Джети-Ата²
И помёт с овечьих дворов!

Вы не щадите народ,
Кровь его пьёте и пот.
Пять Рыскулбека сынов,
Пятеро вы подлецов,
Проклят да будет ваш род!

Вы, Керимбай, Мурзакан,
Злые враги беднякам!
Жди от вас только беды!
Если явитесь к нам,
Распорем вам животы!
Четыре тысячи юрт—
Всё люди Джети-Аты,
Кровь они вашу прольют.
Если придёте к нам,
Гулять по Арыму³ тут
Мы не дадим кабанам!

¹ Кабанами Токтогул называет пятерых сыновей маанпа Рыскулбека.

² Название рода.

³ Название пастбища.

Грабите вы народ,
Что вам до вдов и сирот!
Жадная ваша рука
Тощую клячу берёт
У горького бедняка.

Кто вы такие—знаем:
Опора, друзья баям.
Каждый из вас бесчестен,
С бием, болушем вместе
Бедных людей терзает.
За вас, проклятых волков,
Взяться народ готов.
Вы не найдёте норы,
Чтобы скрыться, пять кабанов!

Жалобы вдов и сирот
Что для вас, пять кабанов!
Видеть, как плачет народ,
Что для вас, пять кабанов!
Только-то вам и забот—
Богатеть, пять кабанов!

Тянете штраф с бедняка,
Орозалы-старика.
Народное всё добро
Прибрали к своим рукам.

Как конь у бедного есть—
Зависть глаза ваши ест.
Акмат, Дикан, Атакан,
Бессовестный род ваш весь!

Вы клеветой на людей
Стали известны везде.
Сын Боронбая Сары,
Сосланный вами, где?
У Тоялы, Атакан,
Клячу ты отнял, шакал!
И ни поминки, ни той
Справить нельзя нам никак.

Вдов и голодных сирот
Голос к вам разве дойдёт?
Хищные когти у вас,
Проклят да будет ваш род!

Вы, Атакан и Минбай,
Грязный поднимете лай,
Чтоб и меня оболгать.
Вам только штрафы давай!
Хищники злее зверей,
Вы не доспите ночей,
Только б меня разорить,
Крови напиться моей.

Вас, кровопийц, не боюсь.
Смерть мне грозит? Ну и пусть!
След мой тогда не найти,
А жить я вновь не вернусь.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРИБЫВШИМ ЧИНОВНИКАМ)¹

Чем нам объяснить приход
Чиновных важных господ?
Уж если вы, господа,
Из ваших стен городских
Пожаловали сюда.
Вот бай, ишан и манап:
Судите весь этот сброд,
Чьё иго терпит народ.

Встречает плут Керимбай
И вас и ваших солдат,
Вы нынче гости того,
Кто липкой пьювке собрат.
Ишан и калпа за ним.
Пред баем они юдят
И яростно бедноту
Повинностями косят.

Уж если вершите суд
И мало верите мне,
Свидетелей вдоволь тут!

К тебе обращаюсь я,
Начальник наш городской!
Всю силу скорби людской,
Весь гнев людской Токтогул
В простые слова вдохнул:
Взгляни, коль хочешь судить,

¹ Эту песню Токтогул пропел перед начальником карательного отряда, который приехал его арестовать.

Я, как певчая птица, был,
Песни пел не жалея сил,
Песни эти правде верны,
За собой не знаю вины.
Будь свидетелем, мой народ!

Злобный, с чёрной печенью, враг,
Угоняет меня во мрак.
Он родной очаг мой сломал,
Беззащитен и одинок.

Точно пуговка, слаб и мал,
Сиротой остался сынок,
Горько плачет старушка-мать,
Одинокостью сражена.
Как вдовица, в огне сгорать
Остаётся Тотуй—жена.

Сына-крошку в последний раз
Принесите мне кто-нибудь.
В глубину его ясных глаз
На прощанье хочу взглянуть!

Гонят в даль от близких людей,
Слышу горький народный плач.
Разве я убийца-злодей,
Что меня терзает палач?
Токтогул не крал, не убил,
Быстролётным туйгуном был,
Быстроногим тулпаром был,
Бил врагов оружием слов,
Потому в цепях кандалов!

Свой прощальный привет тебе
Посылаю, народ мой, я.
Край родимый, Кетмень-Тюбе,
Ты остался без соловья.
Ты прощай, река Ири-Су,
И Арым, родная земля.
Песни я с собой унесу,

Те, что пел, народ веселя.
Уцелеет ли голова?
Будет песнями полон рот?
Золотые мои слова
Не забудет ли мой народ?
Или, вправду, горе одно
Вечно в жизни нам суждено!
Вечно в бедности будем жить
И манапам, баям служить?
Не забудьте, друзья, певца!
Токтогула жребий жесток.
Он, как сорванный с дерева,
Уносящийся в даль цветок!

В ИЗГНАНИИ.

Дали мне в руки топор
Погнали в лесные края.
Я думал: конец мой скор,
Вот она, смерть моя!
Жизнь пронеслась в глазах,
Сердца стремителен бег.
Вижу рядом: казах,
Русский, киргиз, узбек.
Вижу: стоят вокруг,
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг,
Узники, как и я.
Ясное лицо моё
Покрыла изгнания пыль.
Разом и сердце моё
Покрыла страдания пыль.
Жаворонок Токтогул!
Комуз твой теперь затих,
На Ала-Тоо киргиз
Тоскует о песнях твоих.
А я в далёком краю,
Вернусь ли обратно живым?
Увижу ль юрту свою?
Почую ль кочевий дым?
Рядом стоит часовой,
Сурово молчит часовой.
Лес корчевал Токтогул,
Под дождями холодными мок,
Но и в лесу Токтогул

Жить без комуза не мог,
Соловей в одиночестве пел,
Страдая от тяжких уз,
О, как Токтогул хотел
Взять тебя в руки, комуз!
Страдала и ночью, и днём
Певучая душа соловья.
Комуз тупым топором
Из дерева вырубал я.
От балалайки струна
Звенит на комузе моём.
Родная моя страна!
Мы о тебе поём.
Бедняги, изгнанники, мы
Вырвемся ли из могил?
Покинем ли стены тюрьмы?
Увидим ли свой аил?
Из дерева я комуз
Вырубил топором.
Делал я ночью комуз,
Работал на каторге днём.
О, конвоиры мои,
Им души пришибло ружьё.
Поймут ли они, что комуз
Певучее сердце моё?
Очень комуз мой плох,
Сделан из грубой доски,
Товарищ моих дорог,
Спутник моей тоски.
День и ночь,
Одинок и сир,
Мой бедный комуз поёт.
Слушает конвоир
Грустное веселье моё.
Комуз мой плох, не звучит,
Он вырублен топором,
Но даже солдат молчит,
Когда я играю на нём.
Песня летит над тюрьмой,
Доходит до всех сердец,

И даже мучитель мой
Бормочет:

„Какой певец!“
И радуясь песне моей,
Шепчутся жертвы тюрьмы:
„Есть среди нас соловей,
Закованный, как и мы“.
Кто слышал жалобный плач
Ребёнка избитого, тот
Поймёт, как звенела струна,
Как пел мой комуз, поймёт.
Сотни угрюмых людей
Слышали голос мой,
Шептали они в тоске:
„Вернёмся ли мы домой?“
О, песня родимой земли!
Голод бродил по тюрьме.
Умерших волокни
Солдаты в ночи, во тьме.

Я певцом белонёбым был,
Соловьём белонёбым был.
Я народное счастье искал
И замученным узником стал.
Голос мой над тюрьмою звучал,
Разгоняя людскую печаль,
И начальник услышал его.
Он пришёл, бесновался, кричал
И о камень разбил мой комуз,
Голос сердца разбил моего.
И за песнь, что летела, звеня,
В одиночку он бросил меня.

Токтогул белонёбый пел,
Утешая несчастных людей.
О, Киргизия, постарел
В муках каторги твой соловей.

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЛОДОСТИ.

Вот и стал Токтогул стариком,
Чёрный волос покрылся снежком.
Что же, вспомни былые года!
Словно птицы, летящие прочь.
Не вернутся они никогда.

Токтогул, ты сегодня дряхлей,
Чем лохмотья одежды твоей,
Поседела твоя борода!
Быстрым ястребом юность твоя
Унеслась от тебя навсегда.

Жизнь моя! Стала старенькой ты,
Смолкли песни, забыты мечты!
Я один. Никого нет кругом,
Позабытым живу стариком.

Мясо крепких и жилистых рук
Погрубело, растаяло вдруг,
Мой аил, забыв об обо мне,
Жизнь ведет от меня в стороне.

Не заметил я сам, как старел.
Глаз мой острый! Куда ты смотрел!
Вспоминаю я всё, что прошло,
На душе у меня тяжело.

Дряхлый, сгорбленный, жилаый старик,
Обессилев, к земле ты приник.
Где зубов жемчужовый дувал?
Бестолково болтаясь, увял
Твой когда-то певчий язык!

Не вернутся назад никогда
Вновь твои молодые года...
Если б крылья души молодой
Мог схватить ты, как птицу, рукой!.

ПЕСНЯ ПОБЕГА

Гор гряда, снегов седина,
Остались они вдали.
Сердцу милая Фергана,
Счастливые дни вдали.
Сарттар, багиш, родной народ,
Остались одни вдали...
Так страдал в изгнании я,
Силы теряя в тоске глухой.
Кто же мог утешить меня?

В знойной степи, в сердце пустынь
Я, уставший, с трудом иду.
Где истлеют кости мои,
Если я сейчас упаду?
Плен позади, но как, но как
К родине путь впотьмах найти?

Если здесь Токтогул умрёт,
Труп его в овраг сволокут.
Будут радоваться враги,
Песни вместе со мной умрут.
Неужели же кузгуны
Горло клювами разорвут?

Соколом белым в свой аил
Я спешу, не смыкая глаз.
Семь архаров пока видны;

И пока заря не зажглась,
Я тоскую, мать, о тебе,
Сына кормившей в ночь шесть раз.

Свой увижу Кетмень-Тюбе,
Смерть с улыбкой приму, поверь.
Всех родных и друзей обнять,
В доме тронуть рукою дверь,
И, успокоясь, глаза смежить—
Всё, чего я хочу теперь.

ПО ПУТИ К РОДИНЕ

Я неустанно иду, иду,
Сон побеждая в своём пути.
Вдвери стучусь и прошу еду,
Дом встречая в своём пути.
Я неустанно вперед спешу,
Сердцу желания дорога та,
Странно взволнован, смотрю, дышу,
Словно впервые в своём пути
Вижу родные вблизи места.

Так вот шагая в своём пути,
Песни слагая в своём пути,
Струны комуза настроил я...
Где ты скрывалась, стыдливость моя,
Как ты решилась, стыдливость моя,
Брать подаянье в толпе людской?

Тесан простым топором комуз
Из ели пахучей—немалый груз!
Пусть затекают запястья рук,
Нам ли расстаться в своём пути?
Ведь помогает певучий друг
Мне пробавляться в своём пути.

Если я захожу в анл,
Играю я на любом дворе.
Девушек вижу весёлый круг,
Всею душой отдаюсь игре.

Скоро ль буду смеяться вновь?
Скоро ли сына к груди прижму?
Разве забуду мою любовь,
Нежность мою, что несую ему?

В тяжком изгнании я горевал.
Ради чего я годы страдал?
Голода лапы гнули меня.
Баи-манапы, что сделал я?
Ради чего вдали умирал
И на чужбине ночью и днём
Плакал о сыне милом моём?!

СОСКУЧИВШИСЬ, ПРИВЕТСТВУЮ!

Согбенный тяжкой тоской,
Жёлтой болезнью палим,
Приветствую полной душой,
Тебя, о мой край родной!
Все дни я таился в тени,
Стыдлив, как невеста, и тих,
Сегодня ж у всех на глазах
Я птицей весенней возник.
Ведь если бы много дней
Я так сторонился людей,
Народ всё равно б узнал,
Затем и пришёл я скорей.
Глаза мне застит туман,
В ушах ещё звон и гул.
Отчизна, о, как по тебе
В снегах горевал Токтогул!
Во всех киргизских степях,
Во всех казахских степях
Я был скакуном молодым,
Певцом желанным, родным.
Гнетёт меня страх по ночам,
Что вновь попаду к палачам.
Когда же расступится мрак,
Исчезнет холодный страх?

Когда же я с народом сольюсь?!
Счастливой кукушкой твоей
Я был, народ-богатырь!
Но свора баев-зверей
Угнала меня в Сибирь,
Затем и скрывался я.
В клетке жил Токтогул,
Стрелой обмана пронзён.
Послушайте эту песнь,
Узнайте, что вынес он!
В цепких стальных кандалах,
Пешим, как нищий, бродил;
Ноги мои отекли,
Стонать уж не было сил.
И руки сковали мне,
Цепями гремя, копал
Я толщи промёрзших недр.
Я ночью покоя не знал.
Народ мой! Стыд и позор
На совесть твою падут,
Коль ты не сможешь опять
Меня охранить от пут.
Я в глуби Байкала смотрел
И день ото дня седел.
Солдаты били меня,
А я и плакать не смел.
Я верю: лишь ты спасёшь
Меня от байских цепей,
Надежда моя, народ,
Правда песни моей!
Ты силой превыше гор,
Безбрежен, как моря простор,
И если поднимешься вдруг,

Сметёшь палачей, как сор!
С глазами, полными слёз,
Пришёл к тебе Токтогул.
Народ! Приюти певца,
Не дай его в руки врагу.
Пою средь тысяч людей,
Пришедших на тризну, но всё ж,
Как яблоко, я одинок,
На дряхлого старца похож.
Я первым был соловьём,
Так нет справедливости в том,
Чтоб я, как трус-воробей,
Боялся совиных когтей.
Не буду носить цепей,
Народ защитит меня!

УВИДЕЛ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ.

Погоня скакуна,
Растреплю камчу: скорей!
Родину Кетмень-Тюбе
Увидать хочу скорей.
Бедных маленьких сирот
Я обнять лечу скорей.
Керимбаю отомстив,
Раны излечу скорей.

С мыслью дома умереть,
Я коню кричу: скорей!
Для безжалостных стихов
Я слова точу скорей,
Встретив бедного, прошу
Смерти богачу скорей;
В горы, к родине своей,
По степи скачу скорей.

Ширь родины предо мной,
Это ты, Кетмень-Тюбе,
Сколько лет к тебе неслись
Все мечты, Кетмень-Тюбе!
Видишь, плачу от твоей
Красоты, Кетмень-Тюбе!

В солнечном Таласе пел,
Бедным говоря: я здесь!
Прилетел ваш соловей,
Не печальтесь зря, я здесь!
Гнал коня и день и ночь,
Яростью горя: я здесь!

Разогнись, народ, близка
И твоя заря: я здесь!

Через перевал Бешташ
Я в Кетмень-Тюбе стремлюсь,
Родина, я, твой певец,
К боевой судьбе стремлюсь,
Гневным словом поддержать
И помочь тебе стремлюсь!
Вот он, милый сердцу край,
Я хочу его обнять,
В дом войти, стряхнувши пыль,
Сына своего обнять,
Земляков своих хочу,
Только и всего, обнять,
Горе многих, слёзы всех
Сердцем одного обнять!

Семиз-Бель, долина стад,
Ири-Су, земля моя,
Радость близким и родным
Я везу, земля моя.
Дождик пьют твои сады
И росу, земля моя,
Слёзы радости тебе
Я несу, земля моя.

ЗДОРОВА ЛИ ТЫ, МОЯ МАТЬ?

О мать, уж восемь десятков зим
Тебя убеляли, как я гоним.
Обильным, как море, сладким, как сон,
Меня молоком ты вскормила своим.
В ночь, пока Малой Медведицы свет
Не гас, ты кормила меня шесть раз.
И все удивлялись—чей это сын,
Кто его вырастил в добрый час?
Потом я сосал твою грудь семь раз,
Пока Большой Медведицы глаз
Смотрел с небес в колыбель мою.
Певцом меня сделала ты в тот час.
Под сердцем большим ты носила меня,
Наполнила огненной силой меня.
О, милая мать я вернулся опять,
Чтоб скорбные плечи твои обнять!
Сколько ты вынесла горя и зла,
Беды слетались к тебе без числа,
Ты сына умершим считала давно,
Теперь же вторично его родила.
Не плачь, ведь годы неволи прошли.
Как солнцем обласканный, там, вдали,
Я думал, о мать, о тебе, и ночь
От сердца тогда уходила прочь.
Тебе благодарный за каждый вздох,
За каждый глоток твоего молока,
За то, что я холод и тьму превозмог
И вытерпел лютые казни врага.
Пришёл я к тебе, чтобы видеть и знать,
Здорова ли ты, о, любимая мать?

1910.

ЗДРАВСТВУЙ, ЖЕЛАННЫЙ НАРОД!

Здравствуй, здравствуй, желанный народ!
Поседела моя борода
От тоски по тебе, от невзгод.
Соловей твой вернулся к тебе,
Но теперь он печально поёт.

Пусть же
На сердце будет легко!
Жён и девушек резвых толпа
Окружила седого Токо,
Обнимают, смеются и ждут,
Чтобы песня взвилась высоко.

Мне в изгнании сиявший луной,
Почему же мой сын не со мной?
Та, что в жёны я взял по любви,
Стала мужу другому женой.
Плакал, плакал я птицей ночной...
Нет, мечты не сбылись мои,
Их развеял ветер степной.

Был унижен я в горе своём.
Э, проклятый и тленный мир,
Правды нет на просторе твоём!
Ты страдальцем сделал меня,
А рожден я был соловьём!

О прошедшем к чему горевать?
Об умершем к чему тосковать?
Будь же счастлив теперь, Токтогул,
Что народ свой ты видишь опять.

Ночи сделаться светлым днём
Прикажу ли я плачем своим?
Сына, спящего смертным сном,
Разбужу ли я плачем своим?

О, народ мой желанный! С тобой
Долго был разлучен я судьбой,
Наши семьи, здоровы ли вы?
Вы, друзья, что со мною росли,
Лошадей белопегих пасли,
Вы скажите: здоровы ли вы?
Вы, подобные круглой луне,
Жёны, девушки, милые мне,
Вы скажите: здоровы ли вы?

Вы, кто песни мои поднимал,
Вы, певцы молодые, здоровы ли вы?
Вы, кто песням свободы внимал,
Вы, джигиты родные, здоровы ли вы?

Много лет я не видел тебя,
Мой народ, мой желанный, жив ли ты?
Много лет на чужбине скорбя,
Я зывал неустанный: жив ли ты?
Те, кто чистой скорбели душой
О своем Токтогуле, живы ли?
Те, кто ради наживы чужой
Спины рабские гнули, живы ли?
Те, кому натрудил горбы
Их ярем подневольный, живы ли?
Жирных баев, манапов рабы,
Вы судьбою довольны, живы ли?
Те, кто байский лелеяли скот
И валялись во прахе, живы ли?
Те, кто целый работали год
Из-за грубой рубахи, живы ли?
Те, кто мокли под летним дождем
И зимой замерзали, живы ли?
Те, чью силу и кровь день за днём
Богатеи сосали, живы ли?

Те, кого уводили силком
(Ваша участь близка мне), живы ли?
Те, кто шли по тропам босиком
Через горы и камни, живы ли?
Те, которым весёлый круг,
Звон и смех незнакомы, живы ли?
Те, кто слёбыми стали от мук
И желтее соломы, живы ли?
Полонили меня, увели
Далеко от родимой земли.
О, желанный киргизский народ,
Я вернулся к тебе издали.
Свет увидел не даром я,
Был могучим тулпаром я.
Взяли в пути меня враги,
Стал бессильным и старым я.

Тайный пламень сжигал меня.
Так я дожил до чёрного дня,
Вот мой жребий: о прошлом жалеть.
Но живым я восстал из огня.
Соловей возвратился к цветку,
Над которым кружился звеня.

Тайный пламень когтил меня,
В уголёк превратил меня.
Но, киргизы, я к вам прилетел,
Мой народ возродил меня.

Я опасен манапам был.
Дичью царским я лапам был,
Зварканен арканом стальным,
Прогнан я по этапам был.

Мне чиновник, жандарм и палач
На страдание даны и на плач.
Золотая моя голова!
Долог путь, сон далёк, день горяч...

Если сокол бескрылый ты,
К облакам не взлетишь, Токтогул.
Не скопил ещё силы ты,
Как врагам отомстишь, Токтогул?

Нашей мести дождутся ль они,
Их заставишь дрожать, Токтогул?
В подневольные душевные дни
Можно ль вольно дышать, Токтогул?
Аргамаком я раньше скакал
Между горных утёсов и скал.
Много сил потерял я в плену,
Вот последний мой перевал.

Мне досталась неволя в удел.
Не успел я расцвести, а сгорел.
Яблоко, моя голова,
Ссохло, сморщилось: я постарел.
В муках времени, в мраке годин
Дожил я до печальных седин.
Где же ты, ясногласый мой,
Плоть моя, возлюбленный сын?

Возвратился сокол седой,
Где туур его золотой?
Возвратился ваш Токтогул,
Где же сын его молодой?

СОСТЯЗАНИЕ МЕЖДУ ТОКТОГУЛОМ И ИШМАМБЕТОМ

Токтогул с Ишмамбетом много раз состязались в словесном искусстве. Их состязания проходили не так, как у других певцов, — они носили шуточный характер и затевались лишь для того, чтобы повеселить народ. Токтогул после приезда из Сибири был неразлучен с Ишмамбетом. В 1915 году в местности Конур-Огюз происходил той (пир). Из Арсланбоба приехал на той болбан (борец) Балтабай. Для борьбы с ним из Арыма, из рода сарттар, приехал Сейтбек, который оказался побеждённым: Ишмамбет, обращаясь к Токтогулу со словами: „Борец, вышедший из твоего рода сарттар, побеждён“, начал шуточную песню. Токтогул в ответ начал петь о бороде Ишмамбета; так началось состязание, в результате которого была создана эта стихотворная шутка.

И ш м а м б е т

Буду славить песней наш той!
Петь о силе чудесной той,
Что, не будучи робок, нам,
Прислан из Арсланбоба к нам,
Показал болбан Балтабай.
А борец из рода сарттар,
Из Арыма прибывший Сейтбек,
Здесь позорища не избег!
Балтабаю готова удар,
Он с кобылы сполз вороной
И пластом за конским хвостом
Волочился вслед бороной!..

Токтогул

Больно зычен ты, Ишмамбет,
Злоязычен ты, Ишмамбет,
Вот заткну я рот крикуну,
Вот щипками сыпать начну,
Не очухаешься от бед!
Не твоя ль повадка глупа:
Бородой оброс до пула,
Да не чешешь её, Ишмамбет!

Ишмамбет

Не правдив ли и впрямь тот гул,
Что кичлив и упрям Токтогул?..
Вознесла его горе-спесь,
Но, улыбку с лица сгоня,
Спесь убавил он вскоре здесь,
Когда сполз его сартт с коня.
Глубоко загрустил Токо,
Стало мыслям Токо нелегко.

Токтогул

Ясновидцем ты, что ли, стал?
Иль ты мысли мои листал?
Восхвалитель чужих побед,
Посрамлен сарттар или нет,
За него не сгорю со стыда.
У тебя почище седа:
Борода у тебя хоть куда,
Да копилка ума худа.

Ишмамбет

Ишмамбет тебе даст ответ,
Пусть услышат его везде:
Парень толк не знал в езде!
Не его ль ты пленён судьбой,
Зачиная со мною бой?
Не опоре ли рад любой,
Прицепился ты к бороде?

Т о к т о г у л

Речь твоя не с того ль так зла,
Что порос ты шерстью козла?
Иль, хвалу гнуса набесам,
Ты у господ бога сам
Свой двойной выклянчивал сноп?

И ш м а м б е т

Пусть хоть сноп он мне дал, хоть два
Ты же песню урвал сперва
От великих божьих щедрот,
А позднее и нос и рот...
Из того ж, чем мужи горды,
Не дал бог тебе ничего:
Ни усов их, ни бороды...
Ты старухе моей подстать.
Я своим не верю глазам:
Волоска нигде не сыскать,
А недавно, я видел сам,
Было счётом их будто пять.

Т о к т о г у л

В состязанье по бороде
Взял ты первенство, Ишмамбет...
Но когда-то, как говорят,
Жили чудища кое-где,
Что от темени и до пят
Были скрыты шерстью густой...
Вот потомком породы той,
Отголоском канувших лет
И является Ишмамбет.

И ш м а м б е т

Ах, ты этакий,—ну, постой!

Т о к т о г у л

Быть по-твоему,—постою.

Ишмамбет

Кто надеется быть в раю,
Кто достойно господу чтит,
Тем солидный и строгий вид
Придаёт как раз борода.
С безбородыми ж сладу нет,
Это сплошь озорной народ.
К ним Аллаха друг, Магомет,
На том свете не подойдёт.

Токтогул

Хвастунам бороды длина
Лишь в подмену ума дана.
Кто же не вырастил волоска,
Тот льняной белизной сверкай!
А ещё я слышал,—узка
Дверь, ведущая смертных в рай.
Потому вперёд предреку,
Хоть оно тебе и не в лесть;
С двух сторон влача по выюку,
Бородатому дураку
Ни за что в эту дверь не влезть.

Ишмамбет

О судьбе моей не радей:
Бородой от шеи до скул
Лишь угодных себе людей
Наделяет бог, Токтогул.
И у рая ангелов рать
Поджидает бородачей,
Чтоб за каждый наш волосок
Нас вести за райский порог.

Токтогул

Так выходит,—в рай забрести
Легче тем, чьё лицо в шерсти?
Что ж, услышать я был бы рад,
Где о том сказал шарият?
Если ж это не дребедень,

Если ангелы в судный день,
Каждый волос твой теребя,
Будут втаскивать в рай тебя,
Тут не надо и адских мук,
И без них из земной поры
Вдруг припомнишь ты кокберы.

И ш м а м б е т

Бородатых зря не порочь!
Коль тебе шариат знаком,
Вспомни сам: под ангелу в ночь
Бдит у нас под любым волоском.
Нет грехов у бородачей!
Ты же, несчастный Токо мой, чей
Неугоден господу нрав,
Ты запальчивостью речей
Перед небом самим неправ.

Т о к т о г у л (притворно)

Ишмамбет—святой человек!
Да продлит Аллах его дни!
К Ишмамбетову волоску
Льнёт ночами по ангелку...
Пусть хоть по-двое льнут они,
Пусть хоть ангельской всей ордой
Позаселятся вороха,
Не спасается враль бородой:
На любой волосинке той
Бог, дела его подсчитав,
Сорок два запишет греха.
Мне-то в рай ужель не скользнуть?
Влезу, знай, и в цель как-нибудь.
Ты ж, ячмень взрастив на щеке,
Ты, встопорщив кустами рот,
Только даром у тех ворот
Мекать старым будешь тэке.

Ишмамбет

Злость берёт тебя и тоска,
Что хоть всю поистратил пруть,
А не сыщешь и волоска,
Чтобы ангела им прикрыть.

Токтогул

Не уверовать впрямь ли мне,
Что в дрянной твоей волосне
Любо ангелам ночевать?..
Мне на то, Ишмамбет, плевать!
Да по мне, забейся в неё
Хоть сороки да вороньё;
Сколько хочешь сброду собрав,
Под ночлег всю бороду сдав,
Много ль выгадаешь с того?
Не удержишь в ней никого:
Неуживчив больно твой нрав!

Ишмамбет

Бородатому благодать!
Мою бороду только тронь,
Да усы мои чуть погладь,
И возрадуется ладонь!
А на тех, кто бабе подстать,
Безбород и безус весь век,
Говорят, любой человек
Может палку свою поднять,
Может больно уroda бить,
Чтоб к народу не допустить!

Токтогул

Волосню твою только тронь—
И возрадуется ладонь!
Да при виде ваших бород
Расхохочется весь народ.
Стрекотунья-сорока ты,

От снопа ли ждёшь прока ты?
В дни преклонного срока ты,
Когда, тяжестью налита,
Станет грузом каждая прядь,
Когда силу сгложут лета,
Как свой сноп ты сможешь поднять?
Впрочем, если таков твой вкус,
Чтоб не редок и не кургуз
Волос твой и в старости был,
Чтоб до пят спадал от ушей,
У одной из рыжих кобыл
Хвост отрежь и в бороду вшей!

И ш м а м б е т

Рябопегая кляча ты,
Не бесхвостье ли пряча, ты
Вскачь пускаешься да в галоп?
Не расти моей злобы зоб:
Садану кулаком тебя в лоб,
Не брыкнёшься, не охнешь ты,
На дороге издохнешь ты!

Т о к т о г у л

Не боец ты и не борец,
Патлогривый ты жеребец,
Что трусит себе налегке,
Под копытами чуя гладь,
А завидя воз вдальеке,
Норовит шарахнуться прочь.
Знай, на рухлядь, кому невмочь
Двухбатманную сдвинуть кладь,
Сам хозяин всегда сердит.
Как ни жалок будешь на вид,
Сотней палок будешь ты бит!

II
ОТЧИЗНА, ТЫ СЧАСТЬЕМ
ЦВЕТИ!

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ЖИВИ!

Томился в тюрьме Токтогул,
Страдая, рыдал Токтогул.
Покоя и сна он не знал,
В мучениях жил, Токтогул.

Мне плечи сгибала беда,
Я жизнь свою проклял тогда.
В Сибири, средь мертвых снегов,
Обидой задавлен, страдал,
И вот я с киргизами вновь,
Изгнанья минули года.

Со смертью встречаясь в пути,
Сумел я к киргизам дойти.
Советская власть, живи!
Киргизов избавила ты
От тех, кто их вечно давил.

Отчизна, ты счастьем цвети,
Чтоб счастье касалась звезды!
Жаль, стар я, всё ближе мой час,
И жизнь мне продлить он не даст.

ВЗГЛЯНИ НА МОЙ НАРОД!

1

На свободный свой народ,
Если ты не крот, взгляни!
На перевернувший мир,
Молодой народ, взгляни!
Как под солнцем счастья он,
Словно сад, цветёт, взгляни!
Как с пути сметает он
Чёрный вражий сброд, взгляни!
Как сквозь горы и пески
Он идёт вперёд, взгляни!

На народ, себя и всех
Уважающий, взгляни!
Где и старость, как цветок
Расцветающий, взгляни!
На народ, как соловей
Распевающий, взгляни!
На согласный свой народ,
Бед не знающий, взгляни!
На народ, путь Ильича
Продолжающий, взгляни!
На народ, в любых боях
Побеждающий, взгляни!
Как ему не страшен враг
Нападающий, взгляни!
На народ, в своём пути
Вырастающий, взгляни!
На народ свой, небеса

Подпирающий, взгляни!
На народ, творящий суд
И карающий, взгляни!
На народ, из недр своих
Баев, мулл и семя их
Выметающий, взгляни!
На народ, покрывший мир
Гордой славою, взгляни!
На людей, что, как орлы,
В небе плавают, взгляни!
На летящих сквозь туман
В битву правую, взгляни!
На народ, идущий в бой
Грозной лавою, взгляни!
На победный, молодой,
Боевой народ, взгляни!
Как он, родину любя,
Вражьи сети рвет, взгляни!
Как бежит пред ним беда,
Как он борется всегда
Против всех невзгод, взгляни!
Как он светлое своё
Счастье бережёт, взгляни!
Как ряды стальных полков
Двигутся в поход, взгляни!
На народ, открывший клад
Драгоценных руд, взгляни!
Он дорогу осветил
Электричеством, взгляни!

2

Как он любит Ильича,
Жизнь его и труд, взгляни!
На родной народ, где все
Радостно живут, взгляни!
Он цветёт, как по весне
Горные луга взгляни!
И лентяям средь него
Стала жизнь плоха, взгляни!
Он бездельников громит,

Как в бою врага, взгляни!
Знамя красное до звёзд
Поднимает он, взгляни!
Бьёт шакалов на земле,
В небе воронов, взгляни!
На народ свой, где для всех
Есть один закон, взгляни!
На народ, где жизнь идёт,
Как счастливый сон, взгляни!
На народ, что грозен стал,
Как могучий лев, взгляни!
На народ, что вольным стал,
Баев одолев, взгляни!
К новой жизни он пришёл
В стороне родной, взгляни!
Он горит, как горный снег
Ночью под луной, взгляни!
Он растёт в своём краю,
Как трава весной, взгляни!
Как он нежно бережёт
Стариков своих, взгляни!
Как он учится всему
В школах городских, взгляни!

На народ свой, что цветёт
Всех цветов алей, взгляни!
На народ свой, что поёт,
Словно соловей, взгляни!
И на знамя с золотой
Подписью на ней, взгляни!
На народ, что вновь и вновь
Ленину несёт любовь
В радости своей, взгляни!
Он за партией идёт,
Всюду верен ей, взгляни!

{ На народ, с безвестных пор
Между Ала-Тоо гор
Поселившийся, взгляни!
Чьи колхозы — как ивняк

Распустившийся, взгляни!
Чьи отары каждый день
Прибавляются, взгляни!
Чьи девчата, как цветы,
Все красавицы, взгляни!
На народ, что засверкал,
Как вершины гор, взгляни!
На народ, что смёл врагов,
Словно мелкий сор, взгляни!

3

Покорил он небеса
И земной простор, взгляни!
Я живу едва-едва.
Песен звонкие слова
Отшумели, как трава.
Скоро смерть положит мне
Глыбу дерна в голова.
Мне не жалко ничего,
Где мой голос? Нет его,
Не услышит молодёжь
Токтогула своего;
Мне б о новых днях пропеть
Прежде, чем настанет смерть!

О народ мой! Твой поэт,
Сколько б он ни прожил лет,
О своих тюремных днях
Позабыть не может, нет!
С юных лет акыном я
Обходил свои края,
Жгла манапов-подлецов
Песня гневная моя.
И они судили мне
Жить в сырой тюремной тьме,
До шестидесяти лет
Протомился я в тюрьме;
Мучился на радость им,
Вечным голодом томим.

Что—печаль? Цена ей грош,
Но слова мои—не ложь,
В жизни солнечной своей
Пусть их помнит молодёжь.

Мой конец недалеко,
Закопают глубоко,
Но в народе не умрёт
Память о его ТОКО.

ВРЕМЯ

О, сколько ты бедных людей
Страдать принуждало, время!
В плену цепей и плетей
Ты правду держало, время!

Драконову пасть разъяв,
Тираны во тьме глухой
Всех непокорных разя,
Царили над горькой землёй.

Ты баям, лютым зверям,
Отдало глотать нас, время,
Их тяжким кривым когтям
Позволило рвать нас, время!

Вопли со всех сторон
К тебе возносились с тоской,
Но ты их топтало в пыли,
Как травы, нещадной пятой.

Иным ты давало всё,
А многим лишь горе, время!
В неге томился богач,
Бедняк же—в позоре, время.

Пшеницей сладкой, как мёд,
Живот набивал злодей.
А нам ты жалело дать
И горсть гнилых отрубей.

Дорогой широкой, прямой
Для сытых ты было, время.

Голодным же мёртвой скалой
Ты путь завалило, время.

Голосом полным могли
Лишь баи своё твердить,
А нас ты, пригнув до земли,
Старалось и песен лишить.

Ты подлых судей и старшин
Сравнило с богами, время!
Как беркуты, хищно они
Кружились над нами, время.

Чинарой был гордый богач,
Бедняк — хворостиной пред ним.
Одних ты рядило в шелка,
Отрепья швыряло другим.

Ты овцами сделало нас,
А баев — волками, время,
Чтоб ждали мы каждый час
Удара клыками, время.

Ты праздником, пиром сплошным
Было для всех палачей.
А нищий последний скот
Гнал за долги из степей.

Иссохшую землю копать
Ты нас заставляло, время.
Обрывок веревки худой
И тот отбирало, время!

Не счесть всех обид и бед,
Что ты приносило нам,
Но ныне ты дашь ответ
Свалившим тебя беднякам.

В тяжёлые злые года,
При всяких невзгодах, время,
Я славил везде и всегда
Рассвет и свободу, время!

Пришло твоё счастье, бедняк,
Пришло для народа время!

РАСЦВЕТАЙ!

Оденьте жаркий черный шёлк
На плечи, девушки, сейчас.
Весельем молодости пир
Отмечен, девушки, у вас.
Жизнь лишь однажды посетит
И невозвратно улетит.
Тот смех других не замечал,
Кто сам смеяться не умел.
Не старьте, девушки, себя.
Веселье—юности удел.

Оденьте жаркий красный шёлк
На плечи, девушки, сейчас.
Покамест сердце горячо,
Далече грусть-печаль от вас.
Жизнь лишь однажды посетит.
И улетит... И улетит...
Тот смех других не замечал,
Кто сам смеяться не умел.
Ликуйте, девушки!..Любовь
И наслажденье — ваш удел.
Пусть будет радостным вполне
Весны девический рассвет.

Вы в годы юности своей
Вольны цвести, как мальвы цвет.
У жизни, девушки, для нас
Есть где-то старость про запас.
Тогда, увы, исчезнет смех.
Протрубит время в чёрный горн...
Проглотит нас холодный мрак.
Придавит нас могильный дерн.

III
ВЕЧНОЙ ПРАВДЕ СЛУЖИ,
АКЫН!

Вы в годы юности своей
Вольны цвести, как мальвы цвет.
У жизни, девушки, для нас
Есть где-то старость про запас.
Тогда, увы, исчезнет смех.
Протрубит время в чёрный горн...
Проглотит нас холодный мрак.
Придавит нас могильный дерн.

ЖИЗНЬ

Если б коню не уставать,
Старости молодым не знать!
Раз мы для жизни созданы,
Вечно бы жить, не умирать!

Если бы красный цвет не блёк,
Старость не бороздила б щёк,
Если бы на земле всегда
Свеж был, не увядал цветок!

Если б шёлк лиять перестал,
Если б джигит не умирал.
Если б умерших молодых
В землю никто не зарывал.

Если бы не желтеть траве,
Если б глазам блестеть вовек,
Если б красавицы лицо
Было всегда бело, как снег.

Если б нам сильными всегда
Быть, как в молодости года.
Если бы нам своей рукой
Можно было сердце создать.

Если б народ не ведал бед,
Если бы жить без счёта лет.
Если б не умирал, кто добр,
Юных не уводила б смерть.

В молодости душа цветёт,
Молодость—как орла полёт.
Срок настанет—промчится жизнь,
Вновь её никто не вернёт.

Вот ты, как лихой аргамак,
Как меча булатного взмах.
Кончится золотая жизнь
Вновь её не вернуть никак!

АЛЫМКАН¹

Ты, как сбруя коня, золота.
Ты, как свежий цветок, налита.
Я был здоров. Я заболел
Тобою, моя Алымкан.

Ты—степь моя, густой ковыль,
Ты—мой тенистый дол.
О, сколько ласки, доброты,
Сердечности в тебе нашёл...

Над изгибом бухарской горы
Реют птицы до поздней поры.
Ты в этот час приди ко мне,
Уйми мой недуг, Алымкан.

Над Кашгарской вершиною гор
Стаи птиц разрывают простор
Ты сердце мне не разрывай:
К страдальцу приди, Алымкан.

На платке твоём жёлтый узор.
Он слепит мой взволнованный взор.
Ты голубой узор платка
С собой принеси, Алымкан.

¹ Алымкан—первая любовь Токтогула. Посвящённые ей стихи он положил на музыку для комуза, назвав мелодию „Джаш-Киял“ („Песня мечты“).

Слушай, как Токтогул заиграл
В честь тебя свой напев „Джаш-Киял“.
Ты белым шёлковым платком
Мне ночью махни, Алымкан...

Ты—степь моя, густой ковыль.
Ты—мой тенистый дол.
О, сколько ласки, доброты,
Сердечности в тебе нашёл.

ВЕЧНОЙ ПРАВДЕ СЛУЖИ, АКЫН!

Где не пишут, тетрадей нет.
Где острижено, прядей нет.
Где не ездят, верблюдов нет.
Где не жаждут, сосудов нет.
Где не скачут, тропинки нет.
Где не ткут, шелковинки нет.
Без узды не взять скакуна.
От звезды не меркнет луна.
Без беды голова ясна.
Без нужды и ночь не темна.
Если конь твой горяч, ты рад;
Если пустится вскачь, ты рад;
Если ты врагом оскорблён,
Сон бежит от твоих перин.
Если свыше ты вдохновлён,
Вечной правде служи, акын!

НЕ ОТСТУПАЙ ОТ ЦЕЛИ, ДЖИГИТ!

Ножнами богатыми нож знаменит.
Табун жеребятами знаменит.
Не уклоняйся от славных дел,
Друг, если ты джигит.

Нежной розой красив соловей.
Акын прославлен песней своей.
Если белый сокол умчался ввысь,
Приманить обратно сумей.

Гривой своей, аргамак, сверкай.
Яблоко, яблоню украшай.
Пока светла твоя голова,
И перед тигром не отступай.

Сады красивы в цветочном дыму.
Шаман,—когда духи подвластны ему,
Песней своей красив соловей,
Известной ему одному.

Дождь красив, если день суров.
Беркут красив, когда ловит зверьков.
Будешь неосторожным, друг,
Станешь посмешищем для дураков.

Ружьё хорошо, когда в нём заряд.
Фитили,—когда ярким огнём горят.
А пастбища хороши тогда,
Когда тучнеют на них стада.

Ночью лисица во тьме бежит
И вот в капкане, в тюрьме, визжит.
Говоря, что тёмная ночь сейчас,
Не отступай от цели, джигит.

Трава хороша, если стадо на ней.
Тяжёлая грива—наряд коней.
Глаза джигита, как звёзды, горят,
Джигит красив любимой своей.

Старик, бородою своей сияй.
Родинка, девушку украшай.
Не зарься на каждую, джигит,
Одну, любимую, выбирай.

Если дружен народ твой и спаян всегда,
Оружье в бою не склоняй никогда.
Слава крылатая храбреца
После него проживёт года.

Река кораблями украшена, глянь.
А мать сыновьями украшена, глянь.
Дурак мудреца не послушал, ну что ж!
Дурака украшает брань.

ПОКА ИМЕЕШЬ СИЛУ, ПРИВЫКАЙ К ТРУДУ.

Есть сила, привыкай к труду,
И помни: много дней в году,
Гулять, гуляй, но хлеб посеи
И землю поливай в саду.

Пока зубаст, грызи гранит,
Герой, ты из железа слит,
Но чтоб от лени не ржавеет,
Героем трижды будь, джигит!

Уж если ты джигит-герой,
Работай честно: землю рой,
Сей хлеб, коси траву в лугах,
Скот заведи и дом построй.

Джигита узнают везде
По скромности и простоте,
По честности во всех делах,
По мужеству в любой беде.

Жил человек. Глядишь—зарыт.
Зачем же ссориться, джигит?
Пойми, не ссора жизнь твою,
А дружба счастьем озарит.

Герой-джигит, не делай зла,
Не суйся в грязные дела;
Бахвальство—лёгкая зола,
Ценней чужая похвала.
Запомни правду слов моих,
Как ни была б она мала.

Сей хлеб, ухаживай за ним,
Храни, как все мы жизнь храним,
Зимою долгой он людьми
Дороже золота ценим.
Безделье жалкое забудь,
Трудом начни по жизни путь,
Лишь в созидательном труде
Для человека жизни суть.

Добыча радует сердца:
Лиса—охотника-ловца,
Влюблённого—девичий взгляд,
Неправды нет в словах певца.

Лентяй и грязный пустослов
Всю жизнь свою проспять готов,
Но не проспит обеда он,
Когда к обеду жирный плов.

Слова глупца водой вода,
Но для людей они—беда;
В аиле сплетнику не жить,
Он будет одинок всегда.

В согласьи счастье лежит;
И всем героям надлежит
Умом делиться меж собой,
В беде и радости дружить.
Но к знаниям стремя свой путь,
Помочь народу не забудь,
Народной славой жив герой,
И ты трудом её добудь.

ЗНАТЬ ЖЕЛАНИЕ ДРУГА

Где есть народ, дома и скот,
Там и лисица проживёт.
Кто двух коней с собой берёт,
Тот к цели во-время придёт.
На двух один не нападёт,
В пути отстанет пешеход
От всадника... И лишь джигит
Всё пересилит, все возьмёт.

Тронь мусор—пыли облака.
Не жди добра от дурака:
Хрипя, он оскорбит тебя
Грубее грязного хряка.

Джигит походкою сравним
С одним аргамаком степным,
Пусть даже нет коня под ним,
И всё ж, в пути неутомим,
От друга не отстанет он
И зла не сделает другим.

На подлость не пойдёт джигит,
Он прост и сдержан, лишних слов
Для праздных не найдёт джигит.

Джигит хитёр, джигит умён,
На хитрость не поддастся он,
И, обойдя со всех сторон,
Враг не возьмёт его в полон,
Но если он подлец, над ним
И днём померкнет небосклон.

Безрукая луна ясна.
Шесть тысяч звёзд вокруг горят
Тусклее, чем она одна.

Нет шерсти у нетопырят,
Животные не говорят.
Учись я в школе, мой язык
Умнее был бы во сто крат.

Не ропщет добрый человек.
Ленивый, словно праздный бек,
Жрёт лежа, позабывши стыд,
И всё же плачется весь век.

Нет совести у торгаша,
А у крестьян чиста душа:
Они живут своим трудом,
Не взяв обманом и гроша.

Наряды есть—скорей надень,
Есть аргамак—скачи весь день,
Играй, как молодой олень,
Гуляй, пока гулять не лень,
Люби друзей, чтоб ваш союз
Не омрачала ссоры тень.

Случайным ссорам вопреки,
И молодежи и старики
Должны друг друга уважать:
Дни жизни слишком коротки.

ЗВЕНИ, КЕРБЕЗ, ТЫ ПЕСНЬ МОЯ!

Аркан скрутила из волос
И привязали им коня.
Мне петь на сборище пришлось,
Кербез просили спеть меня.
Как эта привязь скакуна,
Не расплетётся жизнь моя,
Как вмиг отцветшая весна,
Не возвратится жизнь моя.

Добротно скрученный аркан,
Аркан гнедого скакуна.
Вернулся я из дальних стран,
Как возвращается весна.
Звени, кербез, ты песнь моя!
Коль жизнь мгновенная пройдёт,
Кербез, напомнишь дни мои,
Воспоминанье их вернёт.

Солдаты шли за мной тогда,
Их шестьдесят я насчитал.
В мои преклонные года
Кербез безрадостный слагал.
К сибирским тюрьмам долог путь,
Звени, кербез, ты песнь моя!
Меня неволей не согнуть,
Звени, кербез, ты песнь моя!

С народом был я разлучён,
Сложил в разлуке я тебя,
Годами был я убелён,

И только жил, кербез любя,
Разлука с милой нелегка.
Звени, кербез, ты песнь моя!
Моя отчизна далека,
Звени, кербез, ты песнь моя!

Я кочевал среди снегов,
Я даже солнца не видал,
Я слышал звоны кандалов,
Знакомой речи не слышал.
В неволе правда не умрёт,
Звени, кербез, ты песнь моя!
Меня услышит мой народ,
Звени, кербез, ты песнь моя!

Я осуждён тираном был
За неподкупный голос мой.
Я свой народ всегда любил,
Любил тебя, мой край родной.
Звени, кербез, ты песнь моя,
Пусть память родичей живёт!
Звени, кербез, ты песнь моя,
На свете песня не умрёт!

КЕРБЕЗ.

(Отрывок.)

Когда без вины осуждён был,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Когда горели гневом глаза,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

С руками связанными идя,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
„Родной мой народ, прощай!“ сказав,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Рыдали мне вслед жена и сын,
Но пел я тебя, мой „Кербез“.
Душили насильники меня,
Но пел я тебя, мой „Кербез“.
И против потока когда плыл,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Когда с народом был разлучен,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Когда моё сердце мука жгла,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Томясь в тюрьме ночи и дни,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Когда страдания переносил,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Закованный в ссылке в кандалы,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Комуз топором сделал себе,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Железные струны натянув,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Когда босой из ссылки бежал,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Когда по пятам горе шло,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

Когда из глаз слёзы лились,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
В родную землю сердцем стремясь,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

В пути победив грозную смерть,
Я пел тебя, мой „Кербез“.
Народ свой родной снова найдя,
Я пел тебя, мой „Кербез“.

САНАТ¹.

Аргымака же пожелав,
Буудана² сыщешь ли ты?
Дружбы с кровным не пожелав,
Кров желанный сыщешь ли ты?
Камышины не пожелав,
Стебель сочный сыщешь ли ты?
Опрокинуть чай пожелав,
Жир молочный сыщешь ли ты?
Внять акынам не пожелав,
Говор точный сыщешь ли ты?

Если долго глядишь на снег,
Делаешься незрячим ты;
Совершив из дому побег,
Познаешь неудачи ты;
Если с кровным дружбу пресек,
Значит враг, не иначе, ты;
Если подлый ты человек,
Лжи поборник горячий ты;
Если склонен к мыслям дурным,
От людей их не спрячешь ты.

Если вышел стуже срок,
Солнце снова шалить начнёт;
Если вышел мужу срок,
Он, состарясь, шалить начнёт;
Если баю вышел срок,

¹ С а н а т — песня, состоящая из пословиц, сентенций.

² Б у у д а н — легендарный быстроногий конь.

Над казной он чудить начнёт;
Если хану вышел срок,
Он народу вредить начнет.

Выпей чаю с целый котёл,
Им еду подменять нельзя.
Девяти козлятам и то
Жеребёнка догнать нельзя.
Свет совместный всех звёзд ночных
С новолунием равнять нельзя.

Даришь нож—рукоять дари;
Чтоб назад их не взять, дари.
Чем безумней жаднеет бай,
Тем скорее беднеет бай.
Что от чистого сердца дал,
Тем печаль из сердца изгнал.
Если крепко сплочён народ,
От врага защищён народ.

Если ты неловок в стрельбе,
Зренья, целясь, не напрягай,
Если честь дорога тебе,
Пред опасностью не моргай;
Если жизнь строга к тебе,
О потерянном не вздыхай.

Тот, кого не достал стрелок,
От меча подавно далёк.
С неприятелем в бой вступив,
Не сдавайся, не победив.
Если нужных слов не сыскать,
Уст не следует размыкать.

Не попутчик смелому трус,
Для телка непосилен груз.
Сил не трать на напрасный труд.

Не иди к злодею на суд.
С тем, в ком совести нет давно,
Перемигиваться грешно.

Если каждый занят трудом,
Не дремли, развляясь пластом.
Рохле дела не поручай,
Ротозеев не поучай.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Когда приходишь, жизнь,
Ты полной луны свет.
Когда уходишь, жизнь,
Ты речки высохшей след.

Когда приходишь, жизнь,
Льёшь солнца свет с высоты.
Когда уходишь, жизнь,
Печальное сердце ты.

Когда приходишь, жизнь,
Ты ивы зелёная ветвь.
Когда уходишь, жизнь,
В глаза нам глядит смерть.

Когда приходишь, жизнь,
Ты сад, где зреют плоды.
Когда уходишь, жизнь—
Пустыня, где нет воды.

Когда приходишь, жизнь—
Подобна милой весне.
Когда уходишь, жизнь,
Нельзя нагнать на коне.

Когда приходишь, жизнь—
Гарцуешь, как аргамак.
Когда уходишь, жизнь,
Ты без подошвы чувяк.

Когда приходишь, жизнь,
Ты ветер горных высот.
Когда уходишь, жизнь,
Ты птица, что не поёт.

Когда приходишь, жизнь,
Ты путь, что весь впереди.
Когда уходишь, жизнь—
Скала, куда не взойти.

Когда приходишь, жизнь,
Ты птица с золотом крыл.
Когда уходишь, жизнь,
Ты лёд, что реки покрыл.

Когда приходишь, жизнь,
Ты быстрый топот копыт.
Когда уходишь, жизнь,—
Ты сокол, что улетит.

Когда приходишь, жизнь,
Ты всех тулпаров быстрее.
Когда уходишь, жизнь,
Ты без гнезда соловей.

Когда приходишь, жизнь,
Ты словно бурный поток.
Когда уходишь, жизнь,—
В заплатках старый сапог.

Когда приходишь, жизнь,
Ты юрты высокой шест.
Когда уходишь, жизнь—
Орел, что бросил насест.

Когда приходишь, жизнь—
Герой-храбрец на коне.
Когда уходишь, жизнь,
Как заяц ты в западне.

Когда приходишь, жизнь,
Ты как табун скакунов.

Когда уходишь, жизнь,
Ты дерево без плодов.

Когда приходишь, жизнь,
В тебе кипение сил.
Когда уходишь, жизнь—
Лиса, что беркут схватил.

Когда приходишь, жизнь—
Ликующий бег ручья.
Когда уходишь, жизнь—
Раздавленная змея.

Когда приходишь, жизнь,
Ты грозный воин в бою.
Когда уходишь, жизнь,
Вернуть ли силу твою!

Когда приходишь, жизнь,
Блистаешь сталью клинка.
Когда уходишь, жизнь,—
Потухший взор старика.

Когда приходишь, жизнь—
Прохлада лесов густых.
Когда уходишь, жизнь—
Комуз поломанный ты.

Когда приходишь, жизнь—
Простор, где легко дышать.
Когда уходишь, жизнь,
Ты ветер, что не поймать.

Когда приходишь, жизнь—
В дворце сверканье зеркал,
Когда уходишь, жизнь—
Кувшин, что дырявым стал.

Когда приходишь, жизнь—
Вершина, где вечный снег.
Когда уходишь, жизнь—
Испуганной лани бег.

Когда приходишь, жизнь,
Ты как чинар молодой.
Когда уходишь, жизнь,—
Как туча под бурей злой.

Когда приходишь, жизнь,
Ты озеро среди скал.
Когда уходишь, жизнь,
Ты конь, что ногу сломал.

Когда приходишь, жизнь,
Ты юноша в двадцать лет.
Когда уходишь, жизнь,—
Висок старика, что сед.

Когда приходишь, жизнь,
Ты свет весёлый в домах.
Когда уходишь, жизнь,—
Козлёнок в волчьих зубах.

Когда приходишь, жизнь,—
Ковра узор золотой.
Когда уходишь, жизнь,—
Колодец до дна пустой.

Когда приходишь, жизнь,
Ты как безоблачный день.
Зелёной ивой шумишь,
Даёшь прохожему тень.

Когда уходишь, жизнь,
Ты ночи осенней мрак.
Угаснет солнце с тобой,
Его не вернуть никак.

Когда приходишь, жизнь,
Ты в полном блеске луна.
Как лето радуешь нас,
Цветов и песен полна.

Когда уходишь, жизнь,
На бая похожа ты:

Безжалостная, как он,
Не видишь чужой беды.

Когда приходишь, жизнь,
Колышешься, как трава.
Ты чистого неба даль,
Глубокая синева.

Когда уходишь, жизнь,
Пройти не хочешь на тер.¹⁾
Ты близкого не щадишь,
Ограбишь его как вор.

Когда приходишь, жизнь,—
Любимого брата родней.
Ты солнца яркого свет,
Тепло золотых лучей.
Когда уходишь, жизнь,—
Чужая для всей людей.

Когда приходишь, жизнь,
Цветенье в саду твоём.
Река бездонная ты,
Откуда воду пьём.
Когда уходишь, жизнь,—
Ведро с поломанным дном.

Когда приходишь, жизнь,
Ты словно зелёный луг.
Ты сладкая, будто мёд,
Что пьём из твоих мы рук.
Когда уходишь, жизнь,
Становится горько вдруг.

Когда приходишь, жизнь,
Радушье в доме твоём.
Когда уходишь, жизнь,
Не примешь близкого в дом.

¹⁾ Почётное место в юрте.

Когда приходишь, жизнь,—
Родник прозрачной воды.
Когда уходишь, жизнь,
Погасшая лампа ты.

Когда приходишь, жизнь,
Кипишь сама, без огня.
Ты словно солнца восход,
Рассвет молодого дня.

Вот жизнь: как птица, она
Из рук улетает у нас!

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ ТОКТОГУЛА

Пусть маленький мой язык говорит,
Пусть не только маленький мой язык,
Пусть голос мой, спутник его, прозвучит.
Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто вспомнит его, кто могилу его,
Крапивой поросшую, навестит?

Пусть красноречивый язык говорит.
Пусть не только красноречивый язык,
Пусть голос мой, плётка его, засвистит.
Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто, с дороги свернув, могилу его,
Крапивой поросшую, навестит?

Пусть серенький ваш соловей запоёт.
Пусть не только язык его говорит,
Пусть кровью сердце его изойдёт.
Когда ваш любимый Токо умрёт,
Кто вспомнит серенького соловья,
Кто к серой могиле его придёт?

КЕДЕЙ-ХАН.

(Отрывок из поэмы.)

Кедей, проведший детство в Туркмении, удалой джигит, грабивший богатых и никогда не обижавший бедных, отомстив ханскому визирю за разорение своей приемной матери Гульсоаны, принуждён бежать в Хиву. Там, следуя материнскому совету, он решает обратиться за помощью к ак-ишану, другу хивинского хана Азима. Ак-ишан, поверив неверным клятвам Кедея, делает его своим слугой. В десятую полночь Кедей обращается к своему покровителю.

— В мире—ночь, и на сердце—ночь,
Вряд ли сможешь ты мне помочь.
Я скрываю тайну свою,
Как больной проказой скорблю.
Ничего я не утаю,
Ибо чту тебя и люблю.

Мне три года было, когда
Сиротою остался я,
Голодали мы в те года,
И погибла моя семья.
Я бродил, как бездомный пёс,
Я нередко бывал избит,
Я захлёбывался от слёз,
И досель ещё не забыт
Жгучий след сиротских обид.
У одной бездетной вдовы
Я приютный кров отыскал;

Не сносил бы я головы,
Если б сыном её не стал.
Усадила она меня
Пред негаснущим очагом,

Накормила она меня
Жирным пловом и молоком,
Одарила она меня
Шубой с тёплым воротником.
Осенила она меня
Навевающим сны крылом.

И пока я был слаб и мал,
Я, как мать, её почитал,
Но как только я возмужал,
Я завёл аркан и кинжал.
Я у баев скот воровал,
Стал кинжал мой от крови ал.
Я бы выстроил крепкий дом,
Я женился бы, жил бы в нём,
Мне бы сына бог даровал;
Но в те дни я своей рукой
От себя отстранил покой,
И за множество грешных дел
Хан меня наказать хотел.
И бежал я через пески,
Чтоб склониться к стопам твоим,
И рыдал от смертной тоски,
Из туркменской земли гоним.

Я упал в пустыне без сил,
Я услышал громкую речь;
Надо мной стоял Азраил,
Ангел смерти, господеи меч.
На его голове чалма,
Как вершина горы была,
И меня лишали ума
Пламенеющие крыла.
И в руках он книгу держал,
И объял меня ураган,

И, как лист, я пред ним дрожал,
И читал Азраил коран.

И сказал Азраил: „Алда
Изымает душу твою,
Ибо ты погиб навсегда
И не будешь в его раю“.

И карающая рука
Мне, лежавшему, не дала
Приподняться пред ним с песка,
И сияли его крыла.
Я хотел бы сжаться в комок
И уйти от яростных крыл
Головой в песок, и не мог.
Я молил его: „Азраил!
Пусть ещё хоть тринадцать дней
Мне позволит прожить господь,
Пусть ещё хоть тринадцать дней
Он позволит душе моей
Оживлять ненужную плоть.
Не затем я так жить хочу,
Что влечёт меня грех опять,
Я Хиву посетить хочу,
Чтоб ишану руки подать.“

Если ты в назначенный срок
Не придёшь за моей душой,
То сверну я с любых дорог,
Чтоб ты меня встретить мог
Посреди дороги большой“.

И сказал Азраил: „Кедей!
Волей благостного судьи
Жизнь ещё на тринадцать дней
Оставляю тебе. Иди!“

И тогда просветлел мой взор.
Десять дней протекло с тех пор,
Ты, ишан, не отвёрг меня,
И осталось жить мне три дня.

Я к земле, как росток в тени,
Пригнетён дыханьем обид,
Пусть мои остальные дни
Свет веселья позолотит.
Если ты и на деле благ,
Если жаль тебе бедняка,
О ишаң, ты поступишь так,
Чтобы смерть мне была легка.

Если то, что свято, любя,
Любит хан, как брата, тебя,
Если всем на свете, ишаң,
Ты правителем предпочтён,
И в твоём совете, ишаң,
Мудрость вправду находит он,
Если для тебя одного
Не жалеет он ничего,
Попроси, ишаң, у него
На три дня его ханский трон!

И ишаң спросил, смущен:
—Кто же сядет на ханский трон?
Кто правителем станет нам?
Кто властителем станет нам?

И ответствовал так Кедей:
—Ханом станет бедняк Кедей,
Имя мне дадут Кедей-хан,
Править будет тут Кедей-хан,
И пойдёт спокойно потом
На господен суд Кедей-хан.

Если в сердце твоём святом
Пламень жалости не иссяк,
Упади перед ханом своим,
Пусть уступит свой трон Азим;
Я молю тебя: сделай так!

Руки нищего принял ты;
Пусть, когда я паду, стена,
Неосуществлённой мечты
Не останется у меня.

Я на солнце славы земной
Отогреть ладони хочу:
Ангел скоро придет за мной,
Умереть на троне хочу.

Я верну Азим-хану трон,
Мертвый слух мой заполнит тишь;
В близкий день моих похорон
Ты молитву мне посвятишь...

Ишан был напуган словами Кедея.

„Вчерашний бродяга, заеденный вшами, сегодня хочет стать ханом“, — думал ишан, глядя на склонившегося пред ним Кедея. „Кто он: тот, за кого себя выдаёт, или честолюбец, жаждущий власти? Его опасно не только ханом делать, но и рабом хана“.

И сказал он Кедею:

— Побирушка, бродяга, вор,
Погрязший в грязи греха,
Нищий, кравший до этих пор,
Плут, сосавший кровь, как блоха,
Нищий, знавший один позор,
Хочешь прыгать вновь, как блоха?

Разве ты, бродивший во тьме,
А теперь надевший чалму,
Белоснежной не рад чалме,
Коль мерещится твоему
Воспалённому взгляду трон?
Коль среди бесчисленных благ
Ты, который был бос и наг,
Зришь одну лишь отраду: трон?

Не за то ли, что ты разбой
Предпочёл занятьям другим,
С трона ханского пред тобой
Добровольно сойдёт Азим?
Почему, бездомный пришлец,
Он бы счастье тебе вручил?

Разве ханский носить венец
У него нехватает сил?
Коль судить по делам твоим,
Ты, действительно, жадный вор,
И внимать мне словам твоим—
Унизительно, жадный вор.
Ты мне руки вручил, и жил,
Как за каменной стеной.
Ты обманщик. Ты обнажил
Душу чёрную предо мной.

Кедей твёрдо решил добиться своего:

— Ты хвалился пред бедняком,
Что тебя уважает хан.
Видно ты неуверен в том,
И тебя презирает хан.

Ты для множества мусульман
Путеводной служишь звездой,
Объясняешь святой коран.
Но, должно быть, перед толпой
Извращаешь святой коран.

Как тебе не стыдно, ишан?
Ты старик, ты скоро умрёшь.
Изменись, наконец, ишан!
До добра не доводит ложь,
Нераскаянный лжец—ишан!
Я и тронем владея, всё ж
На земле не жилец, ишан!

Тогда ишан понял, что согрешил, хвастаясь перед Кедем. Намотав на голову чалму, он взял в руки посох и сказал Кедею:

Горе мне, старику! Идем.
Коль простится с тронем Азим,
Ханом будь, и дело с концом.
Если он не простится с ним,
Пусть вторично старым лжецом
Стану я пред лицом твоим.

В сопровождении Кедея, ишан отправился во дворец Азим-хана, и тот, несмотря на позднюю ночь, вышел к нему навстречу. — Алейкум-ассалам, — приветствовал он хана.

— Бог послал нам счастье, мой сын:
Мы—вершины власти, мой сын,
Ты—великий хивинский хан,
У меня же духовный сан,
Мусульманский верховный сан.

Я с приветом к тебе пришёл,
Если б мог я рассвета ждать,
Я б с рассветом к тебе пришёл.

Ныне был я вынужден дать
Слово спутнику моему.
Этим словом я связан, хан,
И воззвать я обязан, хан,
К твоему, о мудрый, уму,
К сердцу доброму твоему.

Милый сын мой и господин,
Обрати на меня твой взор,
Отврати от моих седин
Надвигающийся позор;

Ты ни в чём ишану, мой сын,
Не отказывал до сих пор;
Так внемли же, о хан Азим,
Необычным словам моим,
Почитай меня, ты вновь
Одолженье мне окажи.
Уважая меня, ты вновь
Уваженье мне докажи.

И ишан поведал хану о том, как Кедей встречался в пустыне с ангелом Азраилом, после чего ишан сказал, указывая на Кедея:

Предо мной он упал, скорбя,
Умоляя меня, удручён,
Чтобы я посетил тебя,

Чтобы я попросил тебя
Уступить ему ханский трон.

Да не ляжет сомненья тень
На твоё чело, мой Азим,
Он умрёт на четвёртый день,
Ангел смерти придёт за ним.
Ты послушай, мой хан, меня,
Крепкой клятвой клянётся он
Жить не долее, чем три дня;
Будет трон тебе возвращён.
Примири же его с судьбой,
Да не плачет он, как дитя,
Он умрёт утешен тобой,
В мире славу приобретает.
Похвалился я перед ним
Неизменной дружбой твоей;
Неужели я лгал, Азим,
И в печали умрёт Кедей?

Хан Азим вздрогнул, услышав это. Страх вошёл
в его сердце. И он обратился к ишану, говоря:

— Нет, напрасно, милый ишан,
Мне такое ты предложил.
Ты покоя меня лишил,
Ибо ясно, милый ишан,
Что обманщик лукавый он,
Горе я получу взамен
За украшенный славой трон.

Если б я уступил, он сам
Легковерным меня бы счёл.
Не проси, ишан, не отдам,
Не отдам золотой престол.
Я бродягой стать не хочу,
По степям блуждать не хочу,
Я лишусь наследственных прав,
Проходимцу свой трон отдам.

—А,—сказал ишан,—так вот какова цена твоей дружбы! Знай: я прокляну Кедея, если он обманывает нас и не умрёт через три дня—и он станет чёрным ослом или камнем; во всяком случае—ты всё равно опять воссядешь на свой трон.

Тут Хан-Азим, не смея пренебречь законами дружбы, уступил трон Кедею на три дня. Кедей раздал всю государственную казну народу, который стал его горячим сторонником.

Когда же Азим, бывший хан, в сопровождении ишана пришёл к Кедею, чтобы получить трон обратно, Кедей-хан повелел страже прогнать их обоих. А ловкий Кедей, теперь Кедей-Хан, забыв о своём обещании умереть на третий день своего властвования и, несмотря на страшные свои клятвы, данные им ишану, продолжает жить и, если уж суждено ему умереть, то умрёт он в глубочайшей старости.

Ханом он был хорошим: любил простой народ, и за это его никто на свете никогда не забудет.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Темиркул Уметалиев. Борец за счастье народа (Предисловие)</i>	5
<i>Песня о Ленине. Перевод А. Тарковского</i>	13

I.

Всегда с народом

<i>Акыном стал я. Перевод Е. Орловской</i>	19
<i>Ишан-калга. Перевод Л. Руст</i>	20
<i>Пять кабанов. Перевод Е. Орловской</i>	24
<i>Обращение к прибывшим чиновникам. Перевод М. Тарловского</i>	27
<i>Прощай, мой народ! Перевод Н. Панова</i>	29
<i>В изгнании. Перевод В. Гусева</i>	32
<i>Воспоминание о молодости. Перевод В. Винникова</i>	35
<i>Песня побега. Перевод Н. Сидоренко</i>	37
<i>По пути к родине. Перевод Н. Сидоренко</i>	39
<i>Соскучившись, приветствую! Перевод П. Семьицина</i>	41
<i>Увидел родную землю. Перевод П. Шубина</i>	44
<i>Здорова ли ты, моя мать? Перевод П. Семьицина</i>	46
<i>Здравствуй, желанный народ! Перевод С. Липкина</i>	47
<i>Состязание между Токтогулом и Ишмамбетом. Перевод Л. Руст</i>	51

II.

Отчизна, ты счастьем цвети!

<i>Советская власть, живи! Перевод Е. Орловской</i>	61
<i>Взгляни на мой народ! Перевод П. Шубина</i>	62
<i>Время. Перевод П. Семьицина</i>	67
<i>Расцветай! Перевод А. Жарова</i>	69

III.

Вечной правде служи, акын!

<i>Жизнь. Перевод Е. Орловской</i>	73
<i>Алымкан. Перевод А. Жарова</i>	75
<i>Вечной правде служи, акын! Перевод М. Тарловского</i>	77
<i>Не отступай от цели, джигит! Перевод В. Гусева</i>	78
<i>Пока имеешь силу, привыкай к труду! Перевод П. Шубина</i>	80
<i>Знать желание друга. Перевод П. Шубина</i>	82
<i>Звени, кербез, ты песнь моя!</i>	84
<i>Кербез. (отрывок). Перевод Е. Орловской</i>	86
<i>Санат. Перевод М. Тарловского</i>	88
<i>Жизнь и смерть. Перевод Е. Орловской</i>	91
<i>Посмертная песня Токтогула. Перевод С. Липкина</i>	97
<i>Кедей-хан. Перевод А. Тарковского</i>	98

Ответ. редактор *Е. С. Ячник.*
Техн. редактор *И. В. Кабилов.*
Отв. корректор *Е. К. Сурова*

Слана в набор 29/VIII 1950 г. Подписана к печати 27/X 1950 г.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Всего 1.69 бумажных листов 5,53
печатных листов 3,25 уч. изд. л. Д—08045. Заказ № 2543.
Тираж 3240 экз. Цена 10 р.

г. Фрунзе, Типолитография № 1.

